

«Мягкая сила» Китая и страны БРИКС

© 2019

Э.Р. Ширгазина

Сотрудничество со странами, входящими в объединение БРИКС, является одним из ключевых направлений внешнеполитического курса КНР. Важность этого формата взаимодействия дополняется для Китая сохраняющимися вызовами эффективной совместной деятельности. Вместе с тем, в условиях нарастающей нестабильности в международных отношениях актуальность применения «мягких» инструментов будет усиливаться. В статье предпринимается анализ сути концепта «мягкой силы», его специфики для Пекина и спектра инструментов его применения КНР в странах — партнерах по объединению, а также их эффективность на данном этапе.

Ключевые слова: Китай, «мягкая сила», БРИКС, диаспора, «Один пояс, один путь».

DOI: 10.31857/S013128120008002-3

В современных условиях практически повсеместным стало применение отдельными государствами механизмов и инструментов «мягкой силы». Примечательно, что эффективно их используют, в первую очередь, мировые державы, стремящиеся упрочить свои позиции и продвигать ценности, идеалы, а, зачастую, свои национальные интересы как в отдельно взятых регионах, так и на глобальном уровне. Связано это не только с державными амбициями, но с объективно имеющимися у них возможностями: использование ресурсов «мягкой силы» подразумевает весьма существенные затраты на их реализацию, а также наличие в суммарном потенциале государств привлекательного элемента в культурном и ценностном аспектах. Вместе с тем, необходимо отметить, что подобные механизмы рассчитаны на долгосрочную перспективу и не всегда могут гарантировать успешное достижение всех целей, поставленных правительством той или иной страны.

Особенности «мягкосилового» воздействия Китая

Совокупности указанных условий сегодня соответствуют немногие страны, и одним из наиболее перспективных субъектов является Китайская Народная Республика. Несмотря на достаточно скептическое отношение некоторых специалистов в данной области к возможностям применения¹, а, следовательно, и к ее эффективности, представляется, что концепция «мягкой силы» в полной мере соответствует философской мысли Китая.

На протяжении истории Китая сформировался ряд идеологических течений, так или иначе подразумевавших применение мягких методов в политике и общественной жизни страны. Идея применения ненасильственных методов и образцов поведения для воспитания людей прослеживается еще в трудах мыслителей Древнего Китая, к примеру, в сборнике «Лунь Юй» («Беседы и суждения»), содержащем главные идеи конфуцианства. Так, в отношении управления государством излагается мысль о том, что правление

Ширгазина Эльза Рифовна, аспирант Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). E-mail: elvenelanor@mail.ru.

при помощи образца намного эффективней, нежели жесткая система законов и наказаний². В свою очередь в каноническом тексте «Дао дэ Цзин» идея о том, что «мягкое преодолевает твердое» и не подлежит сравнению в своей непобедимости³, во многом соответствует сути используемого сегодня понятия «мягкой силы». Интересно, что моизм, который оппонировал ряду положений конфуцианства, также указывает на необходимость применения во внутренней и внешней политике более гибких инструментов. Военственная политика или военная агрессия не могут разрешить имеющие экономические и политические противоречия между государствами. Эффективным для процветания страны является руководство моральными принципами «всеобщей любви» и «взаимной выгоды» на основе «почитания единства»⁴. Подобный лейтмотив преобладает в стратегической культуре Китая, и можно признать очевидным тот факт, что китайская философская мысль в принципе предполагает большую гибкость, особенно если речь идет о каком-либо противостоянии.

Благоприятной почвой для развития «мягкой силы» Китая стала также концепция китаецентризма, которая получила развитие на основе конфуцианства. Срединное царство (Чжунго) распространяло свое влияние на периферийные для него «варварские» территории и народы, выступая в роли проводника культурных ценностей и достижений цивилизации. По этой причине границы китайского цивилизационного ареала определялись не в соответствии с этническим составом, а скорее по признаку культуры⁵. Подобная культурная близость стран Восточной Азии сохраняется и по сей день. Проявляется она в языковом, социально-бытовом, административно-правовом, религиозном аспектах, равно как и в традиционных видах искусства.

Доктринальное оформление применения «мягкой силы» в современном внешнеполитическом курсе произошло в ответ на идею «китайской угрозы» на основе разработанных в начале 2000-х годов концепций, включая идею «мирного возвышения Китая», теорию «гармоничного мира» и ряд других. Уже в 2007 г. в докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК, наряду с призывами строительства общества среднего достатка и решением насущных экономических и социальных проблем китайского общества, особое внимание уделялось культурному и идеологическому «строительству» с акцентом на повышение международного влияния китайской культуры при применении комплексного планирования⁶. То есть, подобная идеологическая работа изначально ориентировалась не только на внешнего потребителя, но и на граждан КНР, на поддержание репутации и высокой роли действующего правительства в условиях, когда мир вступал в период стремительного развития информационных технологий и социальных сетей, а, как следствие, возможности информационного воздействия на общество извне.

Со сменой руководства в 2012 г. курс на расширение присутствия в международном культурном и информационном пространстве был продолжен. В этой связи следует также отметить идею «китайской мечты», озвученную Председателем КНР Си Цзиньпином в ноябре 2012 г., сутью которой является «великое возрождение китайской нации» с продвижением национального духа, сплочением сил, развитием ценностей китайской цивилизации в политической, экономической, культурной и социальной жизни, а также в экологической составляющей⁷. В 2017 г. в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК идейно-нравственному и культурному «строительству» общества посвящен целый блок задач, которые поставлены перед партией и государственным аппаратом. Эти задачи, наряду с первоочередными, экономическими и социальными, с учетом внутригосударственной и международной обстановки должны не только сплотить китайское общество, но также способствовать более активному и открытому проявлению китайской идентичности в международных обменах. Отдельный акцент делается на работе с соотечественниками, проживающими за рубежом, с резидентами и членами их семей. Особое внимание уделяется дальнейшему повышению эффективности «мягкой силы», расширению влияния китайской культуры, наравне с наращиванием помощи развивающимся странам, в том числе и в рамках проекта «Один пояс, один путь»⁸.

Несмотря на значительные вложения в развитие и расширение программы «мягкой силы», международные рейтинги показывают достаточно скромные позиции Китая в перечнях держав, эффективно использующих ресурсы публичной дипломатии. Например, одним из таких рейтингов является индекс The Portland Soft Power 30, который проводит анализ тридцати успешных в использовании «мягких» ресурсов стран по ряду следующих показателей: культура, цифровая дипломатия и уровень ее совершенствования посредством социальных сетей, дипломатические ресурсы и вклад в общемировое развитие, интерес иностранцев к системе образования в стране, ее политические ценности и общественные институты, привлекательность экономической модели развития и ее конкурентоспособность. Согласно указанной системе, специалисты отдают Китаю лишь 27-е место по результатам 2018 г. (понижение с 25-го места по сравнению с 2017 г.)⁹. Согласно другому источнику ранжирования стран, эффективных в использовании инструментов «мягкой силы» — Future Brand Country Index, — в 2019 г. Китаю отводится 29-е место (примечательно, что его опережает специальный административный район Сянган (Гонконг), занявший 24-е место в списке)¹⁰. Хотя подобные системы оценки являются достаточно усредненными и практикуются в большинстве своем в странах Европы или в США (что может вызвать сомнения в объективности специалистов, проводящих исследования), подобный анализ представляет интерес с точки зрения разработки инструментария для исследований по ключевым сферам общественной жизни страны.

Что касается достаточно скромных показателей эффективности Китая в подобных исследованиях, во многих из них подчеркивается, что вероятной причиной тому может стать достаточно низкий уровень толерантности к либеральным ценностям, уровень политической свободы, некоторые выделяют также степень безопасности личности. Очевидно, указанные соображения справедливы, однако, помимо этого, представляется, что, китаецентричный взгляд на мир, который, по сути, является одним из основополагающих для концепции «мягкой силы» Пекина, одновременно служит своего рода препятствием. Во-первых, многие страны Азиатско-Тихоокеанского региона в полной мере «прочувствовали» на себе влияние китайской цивилизации. Соответственно, малые страны опасаются включения в ось неких «провинциальных» приграничных территорий Китая. Как справедливо отметил А.В. Фененко, геополитический ограничитель «мягкой силы» будет толкать представителей национальных элит на поиск альтернативных вариантов влиянию подобного рода¹¹. Во-вторых, сегодня признанным лидером в данном направлении (США) значительные ресурсы направляются на поддержание статус-кво в третьих странах и идеологическое противостояние посредством использования «мягких» ресурсов.

Основные направления деятельности Китая в проведении политики «мягкой силы» в большинстве своем стандартны и включают в себя:

- продвижение китайской традиционной и современной культуры посредством популяризации языка, литературы, религиозно-философских учений и практик (фэншуй, цигун), традиционных видов боевых искусств (*кун-фу* / *гунфу*, *вин чунь* / *юн чунь*), поп-культуры, национальной кухни, проведения различных культурных фестивалей;

- налаживание тесных контактов, научных и образовательных программ с вузами третьих стран, создание «мозговых центров»;

- повышение престижа государственной власти посредством дипломатических ресурсов;

- активная работа с китайской диаспорой, проживающей в третьих странах;

- совершенствование технологического потенциала и распространение информационно-коммуникационных технологий под маркой «сделано в Китае»;

- расширение торгово-экономических связей, инвестиционных и инфраструктурных проектов с интересующими странами и регионами.

Рассматривая специфику применения китайской «мягкой силы», представляется актуальным изучение основных ее направлений и анализ эффективности в других стра-

нах-участниках объединения БРИКС, сотрудничество с которыми является одним из важнейших направлений внешней политики КНР.

Распространение «мягкой силы» Китая в странах БРИКС

Еще в 2012 г. Сюй Линь, руководитель Государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом при правительстве КНР (сокр. Ханьбань), заявила, что в продвижении проекта институтов Конфуция страны БРИКС рассматриваются как приоритетные¹².

Пожалуй, наиболее успешным введение институтов Конфуция среди стран-участниц БРИКС можно признать в России: в стране насчитывается девятнадцать институтов и три класса Конфуция, организованных при высших учебных заведениях, школах Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Казани, Екатеринбурга, Иркутска, Новосибирска, Владивостока и ряда других городов. В Бразилии функционируют десять институтов и три класса Конфуция, организованных при ведущих университетах страны в городах Бразилиа, Сан-Паулу, Минас-Жерайс, Рио-де-Жанейро, Форталеза, Ресифи, Белен и Нитерой. Если говорить об Индии, то она достаточно сдержанно относится к настоящей инициативе. Здесь организовано четыре института при высших учебных заведениях и два класса в городах Пхаттара, Сонипат, Калькутта, Ченнаи, Коимбатур, Мумбаи. Что касается Южно-Африканской Республики, то здесь открыто шесть институтов Конфуция при крупнейших университетах и три класса при школах, Китайском культурном и международном образовательном центре обменов в городах Претория, Кейптаун, Йоханнесбург, Стелленбос, Грейамстаун, Дурбан¹³. Основными направлениями работы этих структур являются обучение китайскому языку (путунхуа), подготовка и прием квалификационных экзаменов на знание китайского языка (HSK), проведение мероприятий по популяризации национальных символов, традиций и праздников, консультации по образовательным программам Китая, а также организация поездок и стажировок обучающихся. Развитие и расширение экономических, культурных, научных связей между странами, в том числе и в рамках БРИКС, объективно обуславливает популярность китайского языка в Бразилии, Индии, России и ЮАР.

В свою очередь практика вовлечения национальных университетов Китая и принимающей страны в учреждение и функционирование институтов и классов Конфуция способствует налаживанию более тесных контактов и открывает возможности для организации академического сотрудничества вузов и развития совместных образовательных программ.

Спецификой китайской «мягкой силы» является то, что в течение большей части XX века популяризация и продвижение таких достижений китайской цивилизации, как восточные единоборства, музыка, язык, национальная кухня и ряд других, осуществлялись не столько коммунистическим материковым Китаем, сколько Гонконгом, Макао и Тайванем при коммерческом участии третьих стран. Принимая во внимание данный факт, можно сказать, что совокупный потенциал китайской культуры достаточно велик, однако пока не может быть использован Китаем в полной мере ввиду сохраняющихся обществено-политических обстоятельств в указанных административных единицах КНР и сложившихся «идеологических» стереотипов у большей части мирового сообщества. Представляется, что отчасти именно в этом кроется двоякость индийского подхода к культуре Китая. Это объясняет, с одной стороны, осторожность в принятии любых инициатив, идущих из Китая, а с другой — популярность в Индии картин с участием актеров Брюса Ли, Джеки Чана и Джета Ли, а также иной кинопродукции последних лет¹⁴.

Сегодня в подавляющем большинстве случаев для распространения современной и популярной культуры в странах — партнерах по объединению БРИКС используются те же каналы: глобальная сеть Интернет и средства массовой информации. За последние десятилетия снизилась степень политизированности в литературе, кинематографе, музыке и иных проводниках культуры Китая. Их ориентация в первую очередь на коммерческий успех способствует большему распространению, в том числе и в странах-конкурентах.

Заинтересованность в культурных традициях, истории, философских и духовных практиках, как и интенсификация экономических связей, вполне закономерно активизирует туристическую отрасль, хотя в рассматриваемом случае и не кардинально. По результатам мягкого воздействия Китая, а также совместной работы стран БРИКС поток туристов с 2008 по 2017 г. рос достаточно скромными темпами. Самую большую активность проявили туристы из России, увеличив турпоток в Китай примерно в 3,2 раза, за ними следуют туристы из Индии — в 1,5 раза, а Бразилия и Южная Африка продемонстрировали паритетный рост количества граждан, въехавших в Китай, — в 1,4 раза¹⁵.

Интересным способом выражения расположения и намерений развивать двусторонние отношения для КНР является передача живых символов страны — панд. Из стран — партнеров по объединению БРИКС на сегодняшний день только Россия имеет такой опыт (начиная еще с 1957 г.). Хотя животные передаются лишь временно (сроком на 15 лет) и за арендную плату, тот факт, что они относятся к уязвимым видам живой природы и обитают лишь на небольшой территории Сычуаня и Тибета, всякий раз придает глубокий символизм жесту Пекина и рассматривается как один из инструментов «мягкой» дипломатии.

Возможности гуманитарного взаимодействия стран, которое ранее носило скорее спорадический характер, значительно расширились после 2015 г., когда (при председательстве России в объединении) значительно расширился круг вопросов для сотрудничества. Кроме того, вводятся такие новые форматы, как: Форум молодых лидеров стран БРИКС, Глобальный университетский саммит БРИКС (работа которого была направлена на расширение сотрудничества в области образования и науки), Сетевой университет БРИКС (образовательный проект, организовавший сеть высших учебных заведений стран БРИКС для развития двустороннего и многостороннего сотрудничества, развития академической мобильности), Форум молодых дипломатов стран БРИКС¹⁶.

Таким образом, большое внимание уделяется сближению молодежи, диалогу в молодежной среде, что может предопределить будущее объединения, а также пяти стран. Помимо этого, на регулярной основе стали проводиться встречи Гражданского форума, Совета экспертных центров БРИКС, Академического форума БРИКС, Бизнес-форума, Форума «Здравоохранение БРИКС» и целого ряда других форматов взаимодействия, включая даже кинофестиваль стран БРИКС, что, по сути, и представляет собой «мягкую силу» в действии.

В рамках общего курса на выстраивание более открытого общества система образования Китая также претерпела изменения. Согласно главе 16 Государственного плана реформ и развития системы образования на среднесрочную и долгосрочную перспективу (2010–2020 гг.) (далее — План), государством всячески поддерживается активизация академических обменов студентами и преподавателями, разработка программ двойных дипломов и создание платформ образовательных и научных проектов. Особое внимание уделяется привлечению иностранных граждан из развивающихся стран и их обучению за счет средств бюджета Китая, обучению их на подготовительных курсах китайскому языку с одновременным ведением обучения на иностранных языках, а также сотрудничеству в сфере высоких технологий¹⁷. В частности, функционирует система стипендиальных программ для студентов, преподавателей и научных работников: двусторонние стипендиальные программы (в рамках соглашений между Китаем и третьими странами); стипендии Института Конфуция; стипендии, выделяемые в рамках квот для отдельных университетов; стипендии, ориентированные на страны отдельных регионов (ЕС, АТР, для стран, входящих в АСЕАН). При предоставлении стипендий большое внимание уделяется странам, входящим в инициативу «Один пояс, один путь». В целом, План нацелен на повышение конкурентоспособности системы образования страны и ее выпускников на международной арене. Для осуществления этой цели стали даже задумываться о создании зарубежных филиалов китайских университетов наряду с совершенствованием системы преподавания иностранных языков в вузах¹⁸.

Как подчеркнул Си Цзиньпин во время своего визита в Россию в июне 2019 г., «сотрудничество в сфере образования представляет собой один из главных каналов укрепления взаимопонимания и дружбы между народами»¹⁹. По официальным данным Министерства образования Китая, уже к концу 2017 г. Индия и Россия входили в десятку стран, из которых приезжает наибольшее количество людей для освоения разных ступеней высшего образования²⁰.

С оформлением курса на стратегическое партнерство России и Китая все большее число высших учебных заведений устанавливают и расширяют контакты с университетами и академиями КНР. Сегодня количество студентов двух стран по академическим обменам, обучающихся по долгосрочным и краткосрочным программам, достигло 85 тыс. человек (из которых 20 тысяч составляют российские граждане)²¹. Однако двусторонние контакты этим не ограничиваются. Помимо академических обменов у российских образовательных учреждений устанавливается сотрудничество с предприятиями, работающими в сферах электроники и информационных технологий²². В сентябре 2017 г. в г. Шэньчжэне начал работать первый совместный российско-китайский университет. Он создан в сотрудничестве МГУ им. М.В. Ломоносова с Пекинским политехническим университетом и Народным правительством Шэньчжэня. Назначенное на 2020–2021 гг. проведение перекрестных Годов российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества призвано продолжить и расширить взаимодействие в области современных технологий и инноваций.

Количество обучающихся из Индии в последние годы значительно возросло и составило 23 198 человек, подавляющее большинство из которых выбрало медицину²³. Несмотря на значительные культурные различия и имеющиеся вопросы к качеству образования, данные весьма внушительны благодаря относительно невысокой стоимости обучения.

Что касается обучающихся из Бразилии и ЮАР, то их количество в Китае на сегодня не столь велико (например, в 2018 г. лишь 32 гражданина ЮАР получили возможность обучаться за счет средств бюджета КНР²⁴). Между университетами осуществляют программы академических обменов и обучения по программам двойных дипломов.

Несомненно, достаточно сильный импульс для активизации механизмов публичной дипломатии КНР дали инициативы, предпринимаемые в рамках объединения БРИКС. С самого начала оно позиционировало себя как объединение для равноправного диалога развивающихся стран, стремящихся к укреплению своих позиций на международной арене путем реформирования международных финансово-экономической и торговой систем на основе соблюдения общепризнанных норм и принципов международного права. При этом особо подчеркивалась приверженность стран взаимному уважению, их миролюбивости в целях формирования многополярного мирового порядка²⁵. Настоящие установки соответствуют стремлению Китая создать образ прогрессивного государства с ответственным отношением к проблемам международной политики, поддержанию мирного и конструктивного диалога, вносящего значительный вклад в мировое развитие. В этих целях площадка БРИКС служит дополнением к двусторонним встречам дипломатов и дает больше возможностей для взаимодействия и сближения позиций стран-партнеров. Это тем более важно для отношений Китая и Индии, имеющих, с одной стороны, конкурентный характер, а с другой — достаточно сложный опыт взаимоотношений прошлых десятилетий. Очевидно, что отчасти благодаря необходимости взаимодействия в рамках БРИКС (что отвечает национальным интересам обеих стран) и созданным в этих рамках дополнительным каналам для диалога стало возможным проведение неформального саммита Председателя КНР Си Цзиньпина и премьер-министра Индии Нарендры Моди в апреле 2018 г. в г. Ухань (Китай). Встреча лидеров двух стран обозначила существенную разрядку в отношениях Китая и Индии, накопившихся после противостояния на плато Доклам и политического кризиса на Мальдивах.

Представляется, что само объединение БРИКС стало перспективной площадкой для расширения возможностей взаимного проникновения «мягких сил» стран-уча-

стниц, а также служит подобным инструментом для них на международной арене, так как является важным дополнением их образа. Встречи лидеров стран БРИКС в рамках проведения иных саммитов и заседаний международных институтов неизменно привлекают внимание СМИ и сообществ этих стран. Они воспринимаются как диалог стран, которые не согласны с существующей системой мировой экономики, что дает возможность обсудить и согласовать позиции по интересующим стороны вопросам и темам, внесенным в общую повестку дня²⁶.

Большая взвешенность внешнеполитических действий руководства Китая в двусторонних отношениях, а также в процессе принятия решений в рамках таких международных институтов, как Организация Объединенных Наций, Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, и неформальных объединений («Большая двадцатка» (G20), БРИКС) способствуют формированию достаточно благоприятного образа государства, уверенно отстаивающего свою позицию. Китай и Россия, как неоднократно подчеркивалось в итоговых декларациях саммитов БРИКС, поддерживают стремление Бразилии, Индии и ЮАР укрепить свои позиции в ООН, а именно в Совете Безопасности Организации. Подобные заявления призваны продемонстрировать не только стремление к многополярности, но значимость для них партнеров по объединению. Более активное участие в глобальных инициативах по поддержанию мира, экологического благополучия, целей и задач устойчивого развития, борьбе с терроризмом и наркотрафиком, коррупцией, противостоянию киберугрозам поддерживает образ ответственного актора.

Другим значительным источником «мягкого» присутствия КНР является китайская диаспора, которая традиционно многочисленна и занимает достаточно высокое положение в странах Юго-Восточной Азии (в первую очередь в Таиланде, Сингапуре и Малайзии), так как по большей части контролирует здесь финансовые потоки. Однако иначе обстоят дела в странах-партнерах Китая по объединению БРИКС. Общеизвестны тесные связи между китайскими эмигрантами внутри диаспоры страны пребывания, а также с исторической родиной, что потенциально представляет собой значительный ресурс «мягкой силы». Помимо непосредственной работы с диаспорами в принимающих странах через посольства и генеральные консульства в мире действует как минимум 91 представительство Всемирной конференции китайцев проживающих за рубежом по содействию мирному воссоединению Китая (Overseas Chinese World Conference for Promoting Peaceful Reunification of China)²⁷ (далее — Конференция). Имеются они в Бразилии, России и ЮАР, однако их нет в Индии²⁸. Ежегодные встречи собирают представителей из всех отделений Конференции. Кроме того, функционирует Китайская народная ассоциация дружбы с зарубежными странами (The Chinese People's Association for Friendship with Foreign Countries), а также проводятся Конференции дружбы зарубежных ассоциаций китайцев²⁹. Все структуры аффилированы с государственной властью и их деятельность финансируется из средств бюджета КНР.

Исторически отношение к китайским переселенцам в Бразилии не всегда было однозначным: были и противники, которые опасались монополизации бизнеса сохраняющими свою этнокультурную обособленность китайцами, были и «сторонники», указывавшие на положительные моменты китайской трудовой миграции — трудолюбие, незыскательность к условиям труда и оплаты³⁰. Однако, несмотря на подобные сомнения, в целом, отношение к китайской диаспоре здесь положительное. Так, с 2018 г. в Бразилии на официальном уровне был введен День китайской иммиграции с целью дальнейшего распространения китайской культуры³¹. Датой было выбрано 15 августа — день, когда в страну для работы на чайных плантациях прибыли первые в XIX веке иммигранты из Китая, а также день, когда были установлены дипломатические связи между двумя странами (1974 г.). Сегодня, по разным оценкам, здесь проживает около 300 тыс. выходцев из материкового Китая, Гонконга, Макао, Тайваня, из которых приблизительно 200 тыс. человек обосновались в городе Сан-Паулу. Такое значительное представительство

во позволяет диаспоре консолидироваться и проводить общественные мероприятия, посвященные своим культуре и традициям, а также дает возможность осуществлять благотворительную и добровольческую деятельность.

Китайская иммиграция в Россию имеет достаточно непростую историю, прежде всего это связано с развитием отношений двух стран. Периоды приема беженцев из-за лихорадивших Китай социальных и политических потрясений, а также активизации контактов, сопровождавшиеся привлечением трудовых мигрантов для развития инфраструктурных проектов и промышленности, сменялись депортацией и закрытием границ. После ухудшения советско-китайских отношений в конце 1950-х годов восстановление контактов и, как следствие, движения через границу произошли лишь в 1980-х годах. Если говорить о численности диаспоры КНР в России, то сегодня официального источника подобных данных в РФ не имеется, а данные Федеральной службы государственной статистики свидетельствуют о примерном паритете въезда и выезда граждан КНР (8237 и 7600 человек в 2017 г. соответственно)³². Общее число постоянно проживающих на территории РФ (преимущественно в Москве и в Дальневосточном регионе) оценивается от 300 до 500 тыс. человек³³. Однако и в этом случае большая часть из них приезжает в рамках трудовой миграции, то есть на определенные периоды. Основными сферами трудовой занятости и сегодня остаются торговля, строительство, сельское и лесное хозяйство, обрабатывающие производства³⁴. Как отметил А.Г. Ларин в своем труде «Китайские мигранты в России. История и современность», китайских мигрантов нельзя называть диаспорой в полном смысле этого понятия, однако данной общности присуща такая важная черта, как наличие организационных форм работы сообществ (землячества, общественные организации, такие, как Союз китайских предпринимателей, Московская ассоциация китайских мигрантов, Ассоциация молодежи китайской диаспоры в России и ряд других, наличие периодических изданий)³⁵.

Хотя двусторонние контакты Китая и Индии уходят корнями вглубь веков, лишь в XVIII веке первые исторические источники фиксируют прибытие переселенцев из империи Великая Цин. Большая часть из них прибывала в страну через процветавшие в те времена порты Калькутта (ныне — Колката) и Бомбей (современный Мумбаи). После войны 1962 года и в последние годы в поисках условий для лучшей жизни наблюдался отток китайского населения, возвращавшегося на историческую родину, либо уезжавшего в США, Канаду, Австралию и другие развитые страны. Сегодня китайская диаспора оценивается здесь приблизительно в 6 тыс. человек, большее число из которых проживает в Колкате³⁶. Однако нельзя сказать, что положение их столь же выгодно, как в странах Юго-Восточной Азии. Значительную часть из них составляют работники, приезжающие сроком на 2–3 года в рамках трудовой миграции для выполнения работ в китайских компаниях, ведущих бизнес в Индии, после чего они вынуждены выезжать для соблюдения требований визового режима. Отмечаются и проблемы с приобретением гражданства у имеющих китайские корни жителей, рожденных до 1950 года³⁷.

В Южно-Африканской Республике сегодня представлена самая большая китайская диаспора на африканском континенте — по разным оценкам от 350 до 500 тыс. человек³⁸. Она достаточно неоднородна: потомки первых переселенцев, предки которых принимали участие в кампании «ненасильственного сопротивления», развернутой в начале XX века М. Ганди; тайваньцы, в период апартеида относившиеся к «почетной белой» категории населения; переселенцы из материкового Китая, переехавшие в 2000-х годах. Они населяют главным образом такие крупные города, как Йоханнесбург, Претория и Дурбан, однако их положение достаточно шатко. С одной стороны, помимо того, что государство значительно пострадало от проводившейся с 1948 г. до начала 1990-х годов политики апартеида, здесь исторически сложились очень сложные отношения и между различными этническими группами, населявшими страну. С другой стороны — местное население, большая часть которого живет за чертой бедности, очень болезненно воспринимает засилье товаров китайского производства, сопряжение экономик Китая и ЮАР, бизнеса. Снижающиеся тем-

пы роста экономики, ухудшающиеся условия жизни населения вызывают в обществе раздражение, которое направляется на иностранцев и «белое» население. Подливает масла в огонь и признание Верховным судом ЮАР отдельных категорий китайцев «черным» населением (родившиеся или получившие гражданство ЮАР до 1994 года)³⁹, а следовательно, подвергавшимся дискриминации в годы апартеида и имеющим право на включение в политику расширения экономических возможностей чернокожих.

Сегодня китайская диаспора остается одной из самых крупных в мире (по количеству эмигрантов ее обгоняют только Индия, Мексика и Россия)⁴⁰. Хотя она не так широко представлена в странах — партнерах по БРИКС, но вполне может помочь в постепенном установлении более дружественных горизонтальных связей между обществами, а активное социально ответственное поведение позволит скорректировать образ Китая в положительную сторону.

Одной из областей, определяющих экономический успех, благоприятный имидж государства и, в перспективе, отвечающих интересам национальной безопасности, является развитие его технологического потенциала. Сегодня Пекин делает все, чтобы отойти от сборки низкотехнологичной продукции и стремится если не вырваться на первое место, то попасть в число лидеров в разработке и использовании новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Все большее распространение получают китайские бренды в сфере телекоммуникаций «Huawei», «Xiaomi», «ZTE» и компания «Alibaba». Хотя остается множество вопросов по качеству производимой здесь высокотехнологичной продукции, в отрасль вкладываются значительные ресурсы и на нее возлагаются большие надежды. Технологические разработки в перспективе могут быть применены для совершенствования и создания новых видов военной техники, для контроля киберпространства всего мира. В рамках БРИКС сотрудничеству в информационно-коммуникационных технологиях уделяется большое внимание. Так, начиная с 2015 г. проводятся ежегодные встречи Рабочей группы БРИКС по вопросам сотрудничества в сфере ИКТ. В план работы стран включены: формирование программы национального развития с учетом возможностей ИКТ; взаимодействие отраслевых информационно-телекоммуникационных компаний на всех уровнях; исследования и разработки, а также инновационное развитие в сфере ИКТ; расширение и укрепление потенциала цифровой экономики; развитие электронного правительства, включая государственные мобильные приложения; международное сотрудничество и координация совместной деятельности⁴¹. Введение и использование цифровых технологий рассматриваются как одно из важнейших условий обеспечения стабильности стран БРИКС, экономического роста и обеспечения их национальной безопасности.

Вместе с тем, важно понимать, что Китай объективно заинтересован в распространении на мировом рынке своих технологий. Это, с одной стороны, служит ответом на вызовы национальной безопасности в киберпространстве, а с другой — отвечает интересам страны в поддержании экономического роста и распространении влияния в масштабах всего мира, что отчасти и явилось причиной развернувшейся между ним и США торговой войны.

Помимо работы в многостороннем формате проводятся и двусторонние контакты научного сообщества по интересным для стран вопросам. Например, в июне 2019 г. по итогам встречи на Третьем китайско-бразильском диалоге высокого уровня по науке, технологиям и инновациям стороны рассмотрели очень широкий круг вопросов для совместной работы. В повестку дня вошли вопросы о сотрудничестве в области биотехнологий, нанотехнологий, «умного города», возобновляемых источников энергии, искусственного интеллекта, «больших данных» и технологий их обработки и использования, космической науки и техники, сельскохозяйственной науки и техники, твердотельного освещения, изменения климата, ИКТ и электромобилей⁴². Однако нынешнему руководству Бразилии с проамериканским креном еще предстоит определиться, последует ли страна примеру США и ограничит роль компании «Huawei» в развертывании мобильной

сети следующего поколения 5G или будет исходить из своей экономической выгоды. В то время как правительство ЮАР, судя по всему, уже определилось в пользу приглашения китайского технологического гиганта на свой рынок⁴³. В России пилотные запуски сетей 5G запланированы уже в 2019–2020 гг.⁴⁴. Кроме прочих проектов следует обратить внимание на российско-китайское сотрудничество в части использования глобальных навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и «Бэйдоу», что в целом отвечает интересам стратегической безопасности обеих стран. Гораздо сдержанней к использованию китайских технологий из соображений национальной безопасности и сложившейся конкуренции в IT-области относится Индия, исключившая телекоммуникационные компании «Huawei» и «ZTE» из испытаний технологий 5G в стране⁴⁵.

В разворачивающейся борьбе за лидерство в киберпространстве и телекоммуникациях за звание «технологической сверхдержавы» рынки Бразилии, России, Индии и ЮАР становятся для Пекина одними из самых емких и перспективных, а сотрудничество в формате БРИКС — еще одной площадкой для продвижения китайских технологий.

Если говорить об экономическом базисе межгосударственных отношений, то ситуация достаточно красноречива: Пекин уже сегодня входит в число крупнейших торговых партнеров для четырех государств и лидеров в прямых инвестициях в Бразилии и ЮАР. В большинстве случаев его политика «мягкой силы» явно идет в тесной привязке к инвестиционным и инфраструктурным проектам. На сегодняшний день Китай, несомненно, обладает значимыми финансовыми ресурсами для использования их как рычагов влияния и достижения своих целей в рамках объединения БРИКС. Хотя и ограниченный равными долями участия всех пяти стран, одним из таких инструментов служит Новый банк развития БРИКС, соглашение о создании которого было подписано на саммите в г. Форталеза (Бразилия) в 2014 г. Основными направлениями для финансирования являются строительство объектов транспортной, городской и сельской инфраструктур, программы развития энергоснабжения (в первую очередь — возобновляемых источников энергии) в странах-участницах объединения⁴⁶.

Одним из крупнейших событий в мировой политике стала инициатива Китая «Один пояс, один путь». Она включает в себя развитие имеющихся и строительство новых железнодорожных путей и автомагистралей по нескольким коридорам, в которые будут включены страны Центральной Азии, Персидского залива, Средиземноморья, Россия и Европа (проект «Экономический пояс Шелкового пути»), а также модернизацию и строительство морских портов в направлении через Южно-Китайское море, Индийский океан, Красное море до Европы и ответвление через Южно-Китайское море к югу Тихого океана (проект «Морского Шелкового пути XXI века»)⁴⁷. Инициатива при успешном ее воплощении позволит реализовать целый ряд геополитических и экономических целей КНР. В рамках данной инициативы Москва и Претория подписали с Пекином соглашения о сотрудничестве, причем в случае России речь идет о сопряжении проекта «Экономический пояс Шелкового пути» с Евразийским экономическим союзом. Выделение средств на поддержку проектов ведется через Фонд Шелкового пути (полностью финансируемый Пекином). Так, например, были приобретены 10% акций ОАО «Ямал СПГ» (2015 г.) и ПАО «Сибур Холдингс» (2017 г.).

В числе финансовых инструментов инициативы также можно назвать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, который был основан по предложению Китая в 2014 г. Исходя из общей суммы вноса, здесь за Пекином сохраняется подавляющее большинство голосов — около 27% (не считая САР Гонконг). Хотя Россия и Индия также являются крупнейшими акционерами банка, они имеют лишь около 6% и 8% соответственно⁴⁸.

Несмотря на достаточно резкое неприятие Индией инициативы «Один пояс, один путь» ввиду ряда геополитических противоречий между странами, в данном случае соображения рационального плана, очевидно, преобладают. К примеру, для Индии с 2017 г. одобрено финансирование 10 проектов в части развития инфраструктур водоснабжения, строительства автомобильных дорог в сельской местности, развития метро-

политена (г. Бангалор), энергоснабжения южного региона страны, внедрения проекта по использованию возобновляемых источников энергии, а также финансирование внутригосударственных фондов инвестирования в инфраструктурные проекты⁴⁹.

При рассмотрении межгосударственных связей на долгосрочную перспективу объективным свидетельством взаимной заинтересованности, что может помочь спрогнозировать возможные варианты внешнеполитических решений, следует рассматривать уровень сопряженности экономик стран. С этой точки зрения экономические связи государств, с одной стороны, служат основой для последующего применения инструментов «мягкой силы», а с другой — могут быть включены в широкий спектр ее источников.

Безусловно, экономические успехи Китая во многом обусловили рост интереса к стране, а также возможности применения дополнительных ресурсов для укрепления престижа государства и расширения его влияния. В условиях ужесточения конкуренции на мировой арене применение «мягких» инструментов будет приобретать для Китая все большее значение. В целом характерной чертой распространения китайской «мягкой силы» является тесная сопряженность проводимых мероприятий с совместными экономическими или инфраструктурными проектами. Более того, значительно больше внимания уделяется странам в пространстве инициативы «Один пояс, один путь».

Сегодня у Китая нет как таковой целенаправленной стратегии по «мягкому» влиянию на страны-партнеры по объединению БРИКС: воздействие происходит, прежде всего, в рамках сложившихся двусторонних связей. Кроме того, значительным катализатором служит, конечно, сам формат сотрудничества БРИКС. Следуя принятым на высоком уровне инициативам, многовекторное взаимодействие представителей государственных структур дополняется активизировавшимися научными, культурными и общественными контактами, а также связями представителей бизнес-сообществ стран-участниц. Однако существует целый ряд объективных препятствий для его эффективности, которые заключаются в исторической памяти, геополитических условиях расположения страны, недостаточной активности в научном, образовательном и культурном взаимодействии, внутриполитической ситуации и воздействии третьих стран.

Пожалуй наибольшего успеха в применении «мягкосилового» воздействия Пекин достиг в отношении России, наименьшего — в отношении Индии (ввиду геополитического и исторического факторов). При этом нельзя сказать, что в цивилизационном плане Россия и Китай близки друг другу, несмотря на их географическое расположение. Однако стратегические интересы обеих стран на международной арене сегодня до определенного момента во многом совпадают: ограничение произвола со стороны оппонирующих им государств и, в первую очередь, США; обеспечение стабильного экономического роста; укрепление позиций мировых держав при серьезных вызовах внешней среды. Исторически культурные связи китайской и индийской цивилизаций были намного интенсивней подобных контактов Китая с Бразилией, Россией или ЮАР. Однако, ввиду сохраняющихся сегодня политических противоречий и объективной конкуренции двух стран, эффект культурно-цивилизационного воздействия КНР не столь интенсивен. Хотя с ростом экономики Китая наметилась тенденция усиления интереса к изучению языка и установлению более тесных контактов для развития бизнеса, все же политические соображения безопасности и конкуренции преобладают, и массового характера данная тенденция не приобретает.

Отношение к Китаю в Бразилии и ЮАР сегодня остается достаточно неоднозначным. В первом случае — по причине смены в 2018 г. политического руководства, которое, с одной стороны, ориентируется на сближение внешнеполитического курса с США, затеявшими торговую войну с Пекином, а с другой — явно осознает реальное положение дел в экономических связях (зависимость экономики Бразилии от спроса и инвестиций Китая) и нацелено на расширение сотрудничества с КНР, равно как и на продолжение диалога, в том числе, на достаточно представительном экспертном уровне. Во втором случае сказывается сложность внутриполитической ситуации, ослож-

ненной крайней степенью неблагополучия местного населения. Хотя власти страны приветствуют приход китайского капитала (объемы которого в последние годы сокращаются), однако решить многочисленные проблемы общества он не в состоянии.

1. *Nye J.S.* What are the limits of China's soft power? URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/07/what-are-the-limits-of-chinas-soft-power/>
2. *Переломов Л.С.* Конфуций: «Лунь юй» / Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Восточная литература, 1998. С. 306, 385.
3. Дао дэ Цзин. Книга пути и благодати / [пер. с кит. Ян Хин Шун]. М.: Эксмо, 2015. С. 47.
4. *Титаренко М.Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. С. 90–99.
5. *Tackett N.* The Origins of the Chinese Nation Song China and the Forging of an East Asian World Order. Cambridge University Press, 2017. P. 6.
6. *Ху Цзиньтао.* Доклад на XVII съезде Коммунистической партии Китая (полный текст). URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.
7. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E6%A2%A6/60483?fr=aladdin>.
8. *Си Цзиньпин.* Доклад на XIX съезде Коммунистической партии Китая. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.
9. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2018. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf>.
10. FutureBrand Country Index 2019. IP FutureBrand, 2019. P. 19.
11. *Фененко А.В.* Реальность и мифы «мягкой силы». URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoy-sily/>.
12. *Ananth Krishnan.* China to train 300 Indian teachers in Mandarin. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/china-to-train-300-indian-teachers-in-mandarin/article3817554.ece>.
13. About Confucius Institute/Classroom. Confucius Institute Headquarters (Hanban) official website. URL: http://english.hanban.org/node_10971.htm.
14. Encyclopedia of India-China Cultural Contacts. Vol. II: The Public Diplomacy Division / Ministry of External Affairs, Government of India. 2014. P. 712–713.
15. Foreign tourist arrivals by top 15 countries or territories — China // BRICS Joint Statistical Publication 2018 / Statistics South Africa. Pretoria: Statistics South Africa, 2018. P. 261–262.
16. Концепция председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015–2016 годах. URL: http://brics2015.ru/russia_and_brics/20150301/15383.html#7.
17. Outline of China's National Plan for Medium and Long-term Education Reform and Development (2010–2020). Beijing, July 2010. URL: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/planipolis/files/resources/china_national_long_term_educational_reform_development_2010-2020_eng.pdf.
18. China to enhance international cooperation in education. URL: http://english.www.gov.cn/state_council/ministries/2019/02/23/content_281476534549704.htm.
19. Россия и Китай планируют нарастить число студентов по обмену. URL: <https://ria.ru/20190606/1555346089.html>.
20. Growing number of foreign students choosing to study in China for a degree across multiple disciplines. URL: http://en.moe.gov.cn/News/Top_News/201804/t20180403_332258.html.
21. *Gu Liping.* Russian official: Exchange students between China and Russia reach 85,000. URL: <http://www.ecns.cn/news/politics/2019-06-05/detail-ifziyummy2109006.shtml>.
22. Китай и Россия углубляют сотрудничество в сфере образования и инноваций. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0731/c31517-9602081.html>.
23. Indian students' arrests puts focus on underbelly of China medical colleges. URL: <https://www.hindustantimes.com/world-news/concerns-of-drug-abuse-lack-of-information-hamper-indian-medical-students-in-china/story-1KmZNoQHPwrdKMI4Wg5kbP.html>.
24. 32 South African students to pursue studies in China on Chinese gov't scholarships. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-08/17/c_137398410.htm.
25. Совместное заявление лидеров стран БРИК (г. Екатеринбург, Россия, 16 июня 2009 года). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/209>.

26. PM Modi discusses terrorism threat at informal BRICS meet on G20 Summit sidelines.
URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/narendra-modi-brics-meeting-at-g20-summit-osaka-1557674-2019-06-28>.
27. В некоторых источниках обозначается как «Совет по содействию мирному воссоединению Китая» («The Council for the Promotion of the Peaceful Reunification of China»).
28. *Dotson John*. The United Front Work Department Goes Global: The Worldwide Expansion of the Council for the Promotion of the Peaceful Reunification of China. URL: <https://jamestown.org/program/the-united-front-work-department-goes-global-the-worldwide-expansion-of-the-council-for-the-promotion-of-the-peaceful-reunification-of-china/>.
29. *Chén Ziyǎn*. Xi extends greetings to overseas Chinese. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201905/29/WS5cedbe6aa3104842260be578.html>.
30. *Lesser J*. Neither Slave nor Free, Neither Black nor White: The Chinese in Early Nineteenth Century Brazil. URL: <http://eial.tau.ac.il/index.php/eial/article/view/1213/1241>.
31. Brazil sets National Chinese Immigration Day. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201806/28/WS5b3455eaa3103349141df7ce.html>.
32. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году».
URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906.
33. *Tselichtchev Ivan*. Chinese in the Russian Far East: a geopolitical time bomb?
URL: <https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2100228/chinese-russian-far-east-geopolitical-time-bomb>.
34. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. С. 154.
35. Там же. С. 157.
36. *Deepu Sebastian Edmond*. India election: how will the Chinese community factor play out in Kolkata? URL: <https://www.scmp.com/news/asia/south-asia/article/3010800/india-election-how-will-chinese-community-factor-play-out>.
37. Там же.
38. *Park Yoon Jung*. Living In Between: The Chinese in South Africa.
URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/living-between-chinese-south-africa>.
39. *Oneale Laura*. South Africa Chinese Citizens Reclassified as Blacks. URL: <https://guardianlv.com/2014/04/south-africa-chinese-citizens-reclassified-as-blacks/>.
40. Total number of emigrants (Source: UN DESA). URL: https://migrationdataportal.org/data?i=stock_abs_origin&t=2017.
41. Принят план совместных действий стран БРИКС в области ИКТ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/36049/>.
42. The 3rd China-Brazil High-level Dialogue on Science, Technology and Innovation Held in Brasilia.
URL: http://www.most.gov.cn/eng/pressroom/201907/t20190723_147874.htm.
43. Cyril Ramaphosa backs Huawei amid US-China trade tussle. URL: <https://www.businesslive.co.za/bd/national/2019-07-05-cyril-ramaphosa-backs-huawei-amid-us-china-trade-tussle/>.
44. Китай ускоряет развертывание сетей 5G. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/06/06/803604-kitai-uskoryaet-5g>.
45. China asks India to provide 'level playing field' for its firms in 5G trials.
URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/65871437.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst.
46. New Development Bank. List of All Projects. URL: <https://www.ndb.int/projects/list-of-all-projects/>.
47. Стратегия экономического развития «Один пояс — один путь». URL: <https://ria.ru/20170514/1494097368.html>.
48. Asian Infrastructure Investment Bank. Members and Prospective Members of the Bank.
URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html>.
49. Asian Infrastructure Investment Bank. Approved Projects. URL: <https://www.aiib.org/en/projects/approved/index.html>.